

Алиева Эльмира Бахрамовна,
ведущий библиотекарь отдела краеведения
Государственного бюджетного учреждения
Донецкой Народной Республики
«Донецкая республиканская универсальная
научная библиотека имени Н.К. Крупской»

ЛЕГЕНДА О ГОРЮЧЕМ КАМНЕ И ШАХТЕРСКОМ СЕРДЦЕ (ПАМЯТНИК «СЛАВА ШАХТЕРСКОМУ ТРУДУ»)

Давным-давно, когда на месте современного промышленного города простиралась степь и первые угольные шахты кротовыми норами чернели по берегам широкой реки, поселился на окраине слободы Александровка молодой горняк по имени Степан. Никто не знал, откуда он пришел и что таилось в глубине его черных, шершавых как уголь глаз.

Степан был не по годам серьезен, молчалив и обладал поистине сверхъестественной силой. Мужики рассказывали, как, однажды, он поднял на плечи быка в 50 пудов и на спор пронес целую версту до самой дальней шахты. Молодого шахтера не брали ни обвалы, ни пожары, все было ни по чем его ловкому обушку. Жадные до наживы хозяева всеми силами пытались переманить силача к себе, но он оставался верным своей, Гурьевской шахте, будто бы не интересовали его вовсе ни деньги, ни слава.

– Заговоренный, – шептались на лавках бабы, а мужики и вовсе боялись связываться с мрачным богатырем. Лишь старая ведунья Прасковья горестно вздыхала: «Эх, видать, продал молодец душу подземному Шубину, вот и мается, бедолашный, любви-то теперь ему на этом свете не сыскать». И впрямь, в стародавние времена ходило в слободе поверье, что шахтных дух Шубин взамен неуязвимости и мощи забирает у молодых горняков способность любить. Но это было так давно, что все уже позабыли те наивные рассказы предков.

Прошла весна и в донецкую степь пришло лето. Терпкое, тягучее как запах полыни в раскаленном августовском воздухе.

К хозяину шахты из столицы приехала молодая синеглазая дочь Мария. Его большой холенный дом из красного кирпича будто бы ожил и посветлел, привлекая степных странников в ненастную пору. От рассвета до заката сновала на хозяйском подворье тонкая девичья фигурка. Все успевала юная Мария – обустроить ночлег для очередного неприкаянного путника, дать урок чтения соседским ребятишкам, помочь одинокой солдатке Кузьминичне натаскать воды из слободского колодца. По вечерам, над притихшей степью звучал ее голосок – грустный и глубокий, словно рассказ чумака, везущего свой нехитрый скарб по бескрайнему южнорусскому простору.

Степан подолгу останавливался около хозяйского дома, замирая, вслушиваясь в берedaющие душу строки девичьей песни.

Однажды, он встретил ее у колодца и ухнул раскатисто:

– Судьба моя, дай, помогу тебе ведра отнести!

Мария скользнула своей небесной бирюзой по шахтно-породным глазам Степана и молвила тихо:

– Чудной ты...

С тех пор стали они часто видеться. Вначале, будто бы и не нарочно, а потом, по несколько раз в день маячила у хозяйского забора огромная фигура горняка, а светлое Мариино платье в закатные часы мелькало среди пыльных отвалов угля.

Повеселел Степан, будто, оковы с него сняли, словно пробудился от долгого сна. Смеялся и шутил, подкручивая густой шахтерский ус.

Забеспокоился тучный хозяин – не такой судьбы он желал своей единственной дочери. Послал он самых верных своих прислужников шпионить за влюбленным, а в один прекрасный день отправился вместе с ними на встречу к Степану и Марии, чтобы окончательно прогнать бедного шахтера прочь.

Погоня настигла молодых около входа в шахту, где они частенько коротали такие драгоценные для себя часы, скрываясь от любопытных глаз.

Не раздумывая, Степан потащил свою невесту в глубь копанки, надеясь, что земная твердь скроет их от скорой расправы.

Всадники промчались мимо. Ночь вдовьим платком накрыла шахтный поселок. Степан и Мария уже думали выбираться из своего укрытия. Как вдруг, они услышали около себя характерный звук обвала. Потом, еще один, совсем близко. Степан бросился на землю, накрыв возлюбленную своим могучим телом. И, как раз вовремя, третий, самый крупный кусок, упал прямо на него, лишив последних жизненных сил.

– Выбирайся отсюда, Машенька. Ползи вперед, я тут останусь. Должно, так Шубину угодно, наказывает он меня, – еле промолвил поверженный шахтер.

Впереди была сплошная темень и девушка задрожала от страха, прижавшись к своему суженому.

Тогда, Степан, слабеющими пальцами разорвал рубаху и достал из широкой груди огнедышащее шахтерское сердце.

– Не бойся, душа моя, бери его и иди вперед. Мое сердце всегда с тобой.

Вспыхнули в последний раз и погасли навеки черные Степановы уголья.

Мария выбралась из шахты, неся впереди себя сердце любимого. Не желая ни с кем делить свою беду, она пошла куда глаза глядят подальше от опостылевшей слободы.

На ночь девушка остановилась в ближайшем лесочке, не боясь уже ни человека, ни зверя.

Приснился ей Степан счастливый и нежный, точно, как на последнем их свидании.

– Машенька, – молвил он, – завтра по утру выйди из лесочка, поверни на право и там, на ближней опушке схорони мое сердце, не таскай его за собой. Через сто лет сослужит оно людям добрую пользу. Знаю я, будет оно

лежать не на земле, и не на небе, а между ними, в черных шахтерских руках. Будет стоять тот шахтер на перекрестке четырех дорог, а вокруг будут ездить кони диковинные, стальные, в 200 раз мощнее наших скакунов. Хорошо ему будет там, почетно. Будет мое сердце приносить счастье в любви одиноким парням и девушкам, надобно будет только три раза обойти вокруг него, думая о своем суженном. Сделай, свет мой, как я прошу, а по мне не тоскуй, не стою того. Живи, моя синеглазая, я буду отсюда на деточек твоих смотреть и радоваться. Как только радуга не небе повиснет, знай, это я тебе свой привет передаю».

Проснулась девица, вытерла слезы, увидела разноцветное коромысло над собой и так ей светло на душе стало, что аж потеплело все внутри.

Все заветы Степана исполнила Мария, вот только замуж так и не вышла, и деточками не привел Бог обзавестись. Поселилась она на опушке того самого леса, да рядом со Степановым сердцем дожила свой век. Говорили, что перед самой смертью приезжали к ней суматошные, как воробьи студенты, записывали ее рассказ, улыбаясь про себя простодушности местной легенды:

– Какое сердце, какой Шубин, когда мы строим Днепрогэс, а скоро вообще на Марс полетим!

В мастерскую заглянуло холодное зимнее солнце. Оно осветило склоненную над холстом седую голову скульптора и величественного чугунного шахтера в углу. То была заготовка будущего монумента, почетного государственного заказа, который мастер называл главным делом своей жизни.

Скульптор нервничал, он чувствовал, что его творению чего-то не доставало. Чего-то важного, пожалуй, самого основного элемента. Вдруг, вспомнилась ему легенда, которую в детстве рассказывала бабушка, склонившись над кроватью в неярком свете ночника. Легенда о горняке-гиганте, прогневившего своей любовью самого Шубина. И про его сердце, зарытое где-то здесь, неподалеку от мастерской.

Засмеялся скульптор своему внезапному наваждению, пытаясь выбросить его из головы. Но мысли о несчастном шахтере не покидали его весь вечер, разрасталась в голове, словно снежный ком.

Уже на следующее утро, молоденькая сотрудница библиотеки, чрезвычайно гордая своей находкой, принесла мастеру пожелтевший сборник материалов этнографической экспедиции, организованной в предместья его родного города почти полвека назад. На сто пятой странице скульптор нашел ту самую любимую бабушкину легенду, с точным указанием места, где покоится сердце влюбленного шахтера.

– Очень точными, конечно, – сам себе язвительно парировал мужчина.

Заканчивалось повествование предостережением постаревшей Машеньки:

– Только не тревожьте его раньше, чем через сто лет. Так Степан велел. Тем более, не долго уж тут осталось. Я дай Боже, после черноглазого своего уже, шестой десяток разменяла.

– В этом году как раз сто лет, как Степана не стало, странно все это, очень странно, – задумался скульптор.

Правдами и неправдами удалось ему убедить высокое начальство дать разрешение на обследование предполагаемой территории. Что надеялся там найти мастер – он и сам не знал. Но, когда лопата наконец-то ударилась о что-то твердое – скульптор понял, это именно то, что он искал. То, что станет главным элементом его главного творения – памятника «Слава шахтерскому труду». Под землей на месте шахтерского сердца оказался огромный кусок угля. Наверное, Степан запросто мог бы его поднять своей богатырской рукой.

– Выходит, бабушка была права. Шахтеры не только трудиться, но и любить могут – беззаветно, широко, отчаянно, забывая про себя. Значит, и Степан был, и Мария была, значит, настоящая любовь до смерти и вопреки ей, существует.

После утомительных художественных советов чугунного красавца-шахтера с куском волшебного угля в гордо вознесенной руке установили на одной из главных площадей прекрасного города роз. Стоит он по сей день на перекрестке оживленных дорог, по которым снуют стальные кони в 200 лошадиных сил. Хорошо ему будет там, почетно.

Уже многие годы проезжает скульптор мимо своего творения, то и дело замечая, то одну, то другую одинокую фигуру, обходящую вокруг монумента три раза в надежде обрести великую, ростом во всю человеческую душу любовь. Бывает, что к шахтеру приезжают веселые свадьбы, благодаря за встреченное нежданно-негаданно счастье.

Помалкивает старый скульптор о самом главном – продолжении легенды, рассказанного его бабушке самой Марией. Пройдет еще сто лет и мало ли что может случиться на благодатной, кроваво-маковой, продуваемой всеми степными ветрами донецкой земле. Возможно, уголь, в железных шахтерских руках снова заалет ярким пульсирующим цветком, снова ощутит всю полноту человеческой любви, которая, как известно, никогда не перестает, даже, если все пророчества прекратятся, а языки умолкнут и упразднятся все знания. Время покажет...